

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

Иван Степанович Жуков плакал.

Нет, он не рыдал и плечи его не сотрясались от нахлынувших эмоций. Он не хлопал носом, не промокивал глаза платком. Иван Степанович тихо сидел в подземном переходе, плотно сжав губы. И лишь только две мокрые дорожки на щеках выдавали его внутреннее состояние.

Жуков плакал молча.

Так плакать он привык на фронте, когда провожали своих боевых товарищей в последний путь. Эмоции, силы и всю накопившуюся злость выплескивали во время очередной атаки, сметая фашистов с их позиций на Украине, в Польше и прогоняя тех все дальше и дальше на Запад в их логово — Германию.

Иван Степанович сидел на маленьком раскладном походном стульчике и смотрел на свою гармошку, которую держал на коленях. Гармонь, как гармонь — самая обычная. Старая, потертая, с облупившейся в нескольких местах краской и поломанной одной кнопкой с левой стороны. С правой стороны несколько кнопок казались запавшими — провалившимися или стершимися от долгого использования. Отделан инструмент был зелеными перламутровыми панелями, когда-то явно сверкавшими на солнце и радовавшими глаза всех прохожих, а нынче потемневшими, потерявшими свой первозданный цвет и растрескавшимися от времени. Металлическая табличка сверху с наименованием фабрики и годом выпуска была какой-то искореженной. Название сбоку читалось тяжело, так как несколько первых букв отвалились, и мы видели лишь часть слова: «...жанка». Оставалось только догадываться, что полное название — «Волжанка». По всему было видно, что хорошо, наверное, поработала эта гармонь за всю свою музыкальную жизнь. Почему в прошедшем времени? Да потому что сейчас она лежала на коленях мужчины, и меха ее оказались разорванными.

А ведь Жуков с этим инструментом всю войну прошел и на ступеньках Рейхстага играл русские и украинские народные песни, а потом исполнял грузинские и молдавские танцевальные мелодии и «Цыганочку» с выходом по просьбе какого-то сержанта, и много еще чего, что успел разучить по слуху за время службы с однопольчанами, которые были разных национальностей.

В какие только передряги не попадал гвардии старший сержант Жуков. И под бомбежку, когда их уютно жили немецкие самолеты. Он думал, что попал в ад и живым отсюда уже не выйдет. Наверное, поэтому от страха рванул молодой, необстрелянный парень меха своей «подружки», и над окопами зазвенели саратовские переборы. Как жив остался — не помнит. Самолеты улетели, и пока образовалась передышка, а у него в ушах все грохотало и грохотало, и он продолжал наяривать что-то из классики, кажется «Полет шмеля». И неизвестно, сколько бы еще играл, если бы его не остановил старшина Самойленко:

— А ты, рядовой, молодец, — похвалил он его. — Здорово придумал. И сам не испугался, и другим дух поднимал.

Жуков поднялся и ответил:

— Если честно, струхнул я. Это, наверное, от испуга так получилось. Думал, что живым не останусь.

— Ну, ничего. Все равно молодец. Не в землю вжался, а наоборот.

И под завалом дома оказывался в каком-то польском городке, название которого теперь уже не помнил, когда перешли в наступление и проверяли каждый этаж и подвал, а немцы стали взрывать дома. Товарищи думали, что все — погиб. Ан, нет. Вот она гармонь, звучит откуда-то из-под земли. Начали разгребать завал, нашли лазейку — ход в подвал, а там сержант Жуков изо всех сил перебирает кнопки инструмента, доказывая, что он жив, и еще повоюет. Мало того, что сам спасся, да к тому же и четверых сослуживцев спас. За проявленное мужество наградили медалью. Гармонь оказалась вся поцарапана, одна кнопка сломалась, но продолжала звучать «подружка» в перерывах между боями.

Однажды попал Иван Степанович со своим взводом в переделку. Было это уже в Германии. Заняли они с бойцами стратегически важную возвышенность, только окопались, а немец в наступление пошел. Взвод их таял на глазах, боеприпасы заканчивались, а подкрепления не было. И когда большинство товарищей погибли, несколько человек лежали раненные, а оставшиеся в живых продолжали вяло отстреливаться, экономя патроны, Жуков понял — это конец.

Прозвучал последний выстрел со стороны удерживающих оборону, и наступила тишина. Сержант окинул взглядом своих товарищей. Два ближайших бойца с чумазыми лицами, один с перебинтованной рукой и окровавленным ухом, сидели в углублении окопа, прислонившись спинами друг к другу, курили папиросы и сжимали в руках по штык-ножу, всем своим видом говоря, что просто так они не сдадутся.

Иван Степанович раскрыл чехол, достал свою гармонь-подружку, накиннул ремни на плечи и, закричав:

— За Родину! За Сталина! За нашу победу! Погибать, так с музыкой, назло врагам! — Заиграл и запел «Вставай страна огромная», присев на край окопа. Потом встал во весь рост, и зазвучала плясовая. После чего выскочил вперед и стал жесточенно выделывать такие «кренделя» ногами под музыку, что сам удивился своему умению так плясать.

Странное дело, но противник перестал стрелять и не спешил идти в атаку. Наверное, немцы опешили от случившегося и пытались понять, что это за ситуация такая сложилась. Одинокий сумасшедший русский пляшет перед своими позициями. Такого они еще не видели. Пусть попляшет, хоть какое-то развлечение. Наверное, все погибли — выстрелов больше не слышно, а он — контуженный или, правда, сошел с ума. Хотя, может быть, русские придумали какой-то коварный план, а это — отвлекающий маневр.

Сколько бы это еще продолжалось никто не знает, но тут неожиданно «ухнул» снаряд, за ним грохнул другой, и пошло, и поехало. К обороняющимся подоспело подкрепление, и начался артобстрел. Немцы также возобновили стрельбу из автоматов и гранатометов.

Плясуна взрывной волной отбросило обратно в окоп, и он потерял сознание. Когда Жуков пришел в себя, то увидел — противника погнали дальше, и очень удивился, что остался жив после всего случившегося.

Хотя при близком рассмотрении, заметил рваную рану на плече — пуля прошла навывлет. Чехол от гармонии оказался разбит вдребезги. Уголок самой гармонии расщеплен, и еще одна пуля попала в металличе-

кую табличку на инструменте и застряла там. А это значит, что его музыкальная «боевая подруга» в очередной раз спасла ему жизнь.

Несколько раз Иван Степанович был ранен и контужен, но всегда, после лечения в госпитале, возвращался в свою часть к боевым товарищам, которые с радостью встречали того с его «подругой гармонью».

Войну гвардии старший сержант закончил в двадцать два года. Потом — тяжелое, но радостное время восстановления своей страны.

Незаметно и как-то быстро жизнь пролетела.

Наступил 1993 год. Ему исполнилось семьдесят лет. Государство развалили. Пенсия небольшая. Решил тряхнуть стариной — в переходе стал играть на своей гармонии. И людей радовал, и копеечку на прожитые зарабатывал.

Многие слышали и саратовские переборы, и костромские залиvistые веселые, и тульские серьезные мелодии, чеканные, словно куют оружие умельцы-оружейники.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

И это, хоть немного скрашивало серые будни людей, радовало и отвлекало от проблем: инфляции, безработицы, роста цен на продукты, которых и так не хватало...

Радовало, но не всех. Появилось много бандитов, жаждущих легкой наживы, то есть занимающихся грабежом народа, который хоть как-то пытался выжить. Они делили между собой города на территории подконтрольные той или иной группировке молодых, накаченных ребят в малиновых пиджаках или спортивных костюмах.

Когда Иван Степанович отказался платить за свои выступления в подземном переходе, то ему покалечили инструмент — разорвали меха.

Его размышления прервал мужской голос:

— Отец, ты что плачешь? Кто тебя обидел?

Жуков посмотрел на спрашивающего. Перед ним стоял молодой мужчина лет тридцати. Одет он был в синий костюм, белую рубашку и галстук. На носу примостились очки в тонкой металлической оправе. По верхней губе тянулись тонкие изящные усики, края которых слегка закручивались вверх, как у барона Мюнхгаузена. Рядом с ним стояло несколько парней помоложе, кто в пиджаках, а кто в джинсах и куртках.

— Да вот... — Ветеран показал на гармонию и махнул рукой.

Тот, кто спросил, немного нагнулся, во что-то всматриваясь.

— Дед, в тебя, что, стреляли? — удивился мужчина, показывая на пулю, застрявшую в инструменте.

— Это давно было — еще на фронте.

— Так вы воевали и награды, значит, боевые имеете? — почтительно осведомился «синий костюм», кивнув на орденские планки, прикрепленные к пиджаку пенсионера и переходя на «вы».

— Да, воевал, — грустно покачал головой Жуков.

— У меня тоже дед и дядя воевали — оба не вернулись с войны, — вздохнул мужчина в очках. — Мать рассказывала. Вас как зовут?

— Иван Степанович.

Немного подумав, молодой человек переменял тему разговора:

— А что, на гармонию играть умеете?

— Умею. Да что толку — порвали ее — мою «старушку».

— Кто? — Строго спросил усатый.

— Да вон, молодежь та оголтелая. — Фронтвик кивнул в противоположный конец перехода, где кучковалась группа молодых ребят, обступив пожилую женщину и громко разговаривая при этом.

Все, стоящие перед Жуковым, посмотрели в том направлении, куда он указал, и парень справа от главного произнес:

— Француз, это — Кирпич со своими шкетами дань собирает.

— Тащи его сюда, — был ответ.

Когда тот подошел в джинсовом костюме, обе руки в карманах, жуя жвачку, то нарвался на тихий, но железный баритон Француза:

— Ты что же, сволочь, делаешь?

Кирпич, опеший от такого неожиданного натиска, даже не заметил, как жвачку проглотил.

— Да я... это, как его... ну, ну, как обычно... собираем.

— У тебя мозги есть?! — Голос Француза становился громче. — Или только две извилины — одна, чтобы пожрать, а другая — наоборот?!

— Но ведь я же... — попытался оправдаться провинившийся, но его даже не стали слушать.

— Мы же не бандиты какие-то, просто государство разрушается. Ситуация сложная и пытаемся удержать и поддержать порядок на нашей территории. Да, работа у нас такая, и за это люди платят. Но ты же смотри с кого деньги требуешь. Если предприниматель, который богатеет, ставит вторую, третью палатку, покупает

машину — это одно. А старушка, которая связала носки и пытается их продать, потому что ей есть нечего, или разные старые чашки и тарелки из старых сервизов предлагает — это совершенно другое.

Перед тобой — Иван Степанович — ветеран войны. Защищал нашу страну и нас с тобой еще не родившихся от фашистской нечисти. Мало того, его гармонь прошла вместе с ним военными дорогами. Посмотри, какая она вся побитая и поцарапанная от осколков. Согни, Кирпич, свою спину и присмотришься внимательнее. Видишь — в ней пуля торчит. Со времен войны осталась. С ней немцы не смогли справиться — не удалось заглушить голос, а ты такое с этим знаменитым инструментом сотворил и обидел великого человека. Это ты ему, а не он тебе, должен платить, за то, что живешь сейчас и жиреешь. Неужели, Кирпич, ты такой тупой, что ничего не понимаешь?

— Павел Викторович, я все понял, — затараторил громила, пытаясь исправить ситуацию. — Я просто не знал, что Иван Степанович ваш знакомый.

— Ни черта ты не понял, да и вряд ли поймешь, — отвернувшись в сторону, вполголоса произнес мужчина в синем костюме и, уже обращаясь к виноватому, добавил громко:

— Гармонь ветерану купишь на свои деньги, самую лучшую, и извинись перед человеком.

— Иван Степанович, извините, ошибка вышла. Все сделаю в лучшем виде. Можете не сомневаться.

Жуков, до этого момента сидевший и слушавший разговор, поднялся со своего стульчика:

— Вы знаете, ребята, гармонь — моя «подружка боевая» и «спутница». — Участник войны погладил бок инструмента. — В каких только передрыгах мы с ней не побывали... А сейчас вот как вышло... Значит, время ее пришло... Да и мое, видать, тоже...

— Иван Степанович, не дрейфить и не раскисать! — подбодрил старика Француз. — Русские не сдаются! Починим!

Кирпич лишь кивал, со всем соглашаясь.

И починили.

Нашли специалиста на гармонной фабрике, который заменил меха, подобрал новый кожаный ремень, взамен старого, в двух местах зашито, обновил кнопки. Лишь пулю оставил в искореженной табличке, как воспоминание о былых заслугах.

Через две недели зазвучали в переходе залихватские мелодии знаменитой гармони, с богатой биографией.

— Играй, отец, — сказал Павел Викторович, появившись опять в переходе со своей свитой в момент возвращения ветерану его инструмента. — Никто тебя не тронет. А будет кто приставать, скажи Паша Француз — твой знакомый.

— А почему именно Француз? — поинтересовался Жуков.

— Так фамилия у меня Французов. Хотя французский не знаю, но изучаю — начал брать уроки. Думаю, пригодиться может, если с иностранными партнерами дела вести будем, да и фамилию оправдывать нужно, — улыбаясь, сказал мужчина. — А гармони, баяны и балалайки мне с детства нравятся. Я хоть и городской, но на лето в детстве уезжал в деревню к дедушке и бабушке. А там сосед — дядя Вася — ну, просто мастер играть на гармошке. Образования не было, но слух — музыкальный. Мог сыграть все, что ни попросят. Мечтаю организовать фестиваль народных инструментов, а пока вот решил попытаться баллотироваться в Думу депутатом.

— Пенсию нам, ветеранам, добавили, — неожиданно сказал Иван Степанович, — на хлеб хватает. Может и не играть уже?..

— Играйте, играйте, — стал убеждать Француз. — Радуйте всех. А кто денежку даст — берите, не стесняйтесь.

Через год Павел Викторович Французов стал депутатом. И, как и обещал, организовал фестиваль народных инструментов и о Жукове не забыл — пригласил того выступить со своей боевой «подругой гармонью».

г. Кельн, Германия 27.7.19

